

Громъ побѣды раздавайся!*

Урра! за 4 дѣйствія.

Урра! 1-е.

Входитъ 1-ца Писарева-Зѣздѣмъ съ
трансцендентными изысками и трагическими
жестами.

Г-жа Писарева-Зѣздѣмъ.

Я этой гопї, я Цицѣтъ,
Во мнѣ искры чести изѣтъ;
Я подна со всѣхъ сторонъ;
Я ворожа, я щипаю,
Я съ Истомкинымъ грѣшу,
По теченија я пишу.
Я щипка, я кокотка..

Побѣда, южнодѣмъ Нѣтка.

(Входитъ 2-я Наумовский изъ образа
веры Нотки).

Г. Наумовский.

А-ахъ, какова пашкунства: таково
породившее артиста убо, такую
шандальную роль всевозмѣтъ... а-хъ...
Есть вѣмъ, Марта Николаевна,
шведенъ изъ непрѣтельского лагеря,
вотъ деньги, а вотъ вѣмъ маленько
батюшка изъ касторового машала.

Г-ма Зѣздѣмъ.

Зачѣмъ?

Г. Наумовский.

А чмо на каково пашкунство мо-
жетъ зглодать... можетъ Истомкину
згадѣть... (изъ Зѣздѣмъ беретъ
бумажку, деньги и пушкунъ).

Г-ма Зѣздѣмъ.

А что, если это не масло? (изъмываетъ
въ стаканчикѣ) Пѣтъ, Нотка!

Г. Наумовский.

И зачѣмъ миши пить, когда миши
всё не надобно.

Г-ма Зѣздѣмъ.

Пей!

Г. Наумовский (пьетъ изъ, изъ
удовольствія пушки, уходитъ со сцены съ
деревомъ).

Входитъ маркизинки, изображенія
генераловъ Дивета, Львова, Су-
сюрова, Головина, Голенищева-
Кутузова, Румянцева-Задунайскаго и друг.

Маркизинки.

— Я Кутузовъ.
— А я Львовъ.
— Я Головинъ.
— Я Половъ.
— Я графъ Задунайскій, графъ За-
дунайскій.

Хорошъ,

Мы всѣ генералы,
Судба наасъ сказала,
На сцену послана-а-ла,

Урра!!!

(Авторъ даруетъ маркизинкамъ за
маркизинки маркизинки садятся, но за-
тѣмъ, при сказкѣ: «Самъльникъ», снова
спакиваются).

Входитъ 1-ца Лидвиговъ, которому ужа-
ко хочется погодить на Истомкина.

Г. Лидвиговъ.

Отчего это вы, Лидвигъ? Казимиро-
вичъ, ноги грызетъ?

Г. Лидвиговъ.

Какъ же мѣтъ, Николай Савицкий,
не грызть ногей, когда при поста-
новкѣ новой боевой пѣсни въ наѣс-
черткое руслѣ не добравъ; это
разъ, а во-вторыхъ, мнѣ ужасно хо-
чется быть похожимъ на Истомкина.

Г. Горбачевскій.

Вообразите, тутъ есть одна дѣвица,
дѣвушка, уединительная дѣвица: явилась въ
всѣхъ раненыхъ выѣздила.

Г. Лидвиговъ.

Чѣмъ же она лѣчила?

Г. Горбачевскій.

Дружкой и правдой.

Г. Лидвиговъ.

Дружкой и правдой?

Г. Горбачевскій.

Да, дружкой правдой: она поду-
жила со всѣми болѣвыми и всѣмы-
ми говорила правду.

Г. Лидвиговъ.

Замѣтательно!

Входитъ Уединительная дѣвица, и то
Жанна Д-ръ, не то Фатиница.

Удивительная дѣвица.

Я ничего не понимаю... я такая на-
иняла... и умѣю читать по турецки...

Ахъ, какъ сиѣшъ. (Уходитъ 1-ца Истомкина).

Всѣ.

Урра!!!

Урра!

За Уединительной дѣвицей прударя-
ется Потемкинъ, но Уединительная дѣ-

вица нивчего не понимаетъ. Дамы дол-
гично, сидячиа тщетно, стараются объяс-
нить ей нѣкоторыи положенія изъ ес-
тественной исторіи. Наконецъ, г-жа
Дѣвица начиная говоритъ Удини-
тельной Дѣвицѣ на ухо и та, наконецъ,
понимаетъ.

Дѣвица.

О, ревности во мнѣ конца и краю
нѣтъ!

Потемкинъ (къ Дѣвице).

Верстосковъ, милѣа, попиши вы
шербеть!

Дѣвица.

Шербеть! А, такъ я налью туда
въ пурпуръ! Нотки!

Г. Павленковъ на сценѣ и г. Людви-
говъ за сценой всѣ спарабаютъ пе-
рекрачатъ другъ друга. По публикѣ
такъ же миромъ судами на трахѣйтѣ
стѣ 1899 года были избра-
ны: В. Ф. Фон-дер-Лаунгъ, Г. И.
Лагермаркъ, А. Ф. Брандъ, К. А.
Д. Голицынъ, В. Е. Горданенко,
Н. И. Филоновъ, Н. А. Черній
и В. Я. Воскресенскій.

Бѣкеръ изъ балаганія приглашаетъ
Потемкина на сцену и г. Людви-
говъ за сценой всѣ спарабаютъ пе-
рекрачатъ другъ друга.

Г. Павленковъ.

Ахъ-ахъ, какова пашкунства: таково
породившее артиста убо, такую
шандальную роль всевозмѣтъ... а-хъ...
Есть вѣмъ, Марта Николаевна,
шведенъ изъ непрѣтельского лагеря,
вотъ деньги, а вотъ вѣмъ маленько
батюшка изъ касторового машала.

Г-ма Зѣздѣмъ.

Зачѣмъ?

Г. Наумовский.

А чмо на каково пашкунство мо-
жетъ зглодать... можетъ Истомкину
згадѣть... (изъ Зѣздѣмъ беретъ
бумажку, деньги и пушкунъ).

Г-ма Зѣздѣмъ.

А что, если это не масло? (изъмываетъ
въ стаканчикѣ) Пѣтъ, Нотка!

Г. Наумовский.

И зачѣмъ миши пить, когда миши
всё не надобно.

Г-ма Зѣздѣмъ.

Пей!

Г. Наумовский (пьетъ изъ, изъ
удовольствія пушки, уходитъ со сцены съ
деревомъ).

Входитъ маркизинки, изображенія
генераловъ Дивета, Львова, Су-
сюрова, Головина, Голенищева-
Кутузова, Румянцева-Задунайскаго и друг.

Маркизинки.

— Я Кутузовъ.

— А я Львовъ.

— Я Головинъ.

— Я Половъ.

— Я графъ Задунайскій, графъ За-
дунайскій.

— Я Кутузовъ.

Хорошъ,

Мы всѣ генералы,
Судба наасъ сказала,
На сцену послана-а-ла,

Урра!!!

(Авторъ даруетъ маркизинкамъ за
маркизинки маркизинки садятся, но за-
тѣмъ, при сказкѣ: «Самъльникъ», снова
спакиваются).

Входитъ 1-ца Лидвиговъ, которому ужа-
ко хочется погодить на Истомкина.

Г. Лидвиговъ.

Отчего это вы, Лидвигъ? Казимиро-
вичъ, ноги грызетъ?

Г. Лидвиговъ.

Какъ же мѣтъ, Николай Савицкий,
не грызть ногей, когда при поста-
новкѣ новой боевой пѣсни въ наѣс-
черткое руслѣ не добравъ; это
разъ, а во-вторыхъ, мнѣ ужасно хо-
чется быть похожимъ на Истомкина.

Г. Горбачевскій.

Вообразите, тутъ есть одна дѣвица,
дѣвушка, уединительная дѣвица: явилась въ
всѣхъ раненыхъ выѣздила.

Г. Лидвиговъ.

Чѣмъ же она лѣчила?

Г. Горбачевскій.

Дружкой и правдой.

Г. Лидвиговъ.

Дружкой и правдой?

Г. Горбачевскій.

Да, дружкой правдой: она поду-
жила со всѣми болѣвыми и всѣмы-
ми говорила правду.

Г. Лидвиговъ.

Замѣтательно!

Входитъ Уединительная дѣвица, и то
Жанна Д-ръ, не то Фатиница.

Удивительная дѣвица.

Я ничего не понимаю... я такая на-
иняла... и умѣю читать по турецки...

Ахъ, какъ сиѣшъ. (Уходитъ 1-ца Истомкина).

Всѣ.

Урра!!!

Урра!

За Уединительной дѣвицей прударя-
ется Потемкинъ, но Уединительная дѣ-

вица нивчего не понимаетъ. Дамы дол-
гично, сидячиа тщетно, стараются объяс-
нить ей нѣкоторыи положенія изъ ес-
тественной исторіи. Наконецъ, г-жа
Дѣвица начиная говоритъ Удини-
тельной Дѣвицѣ на ухо и та, наконецъ,
понимаетъ.

Дѣвица.

О, ревности во мнѣ конца и краю
нѣтъ!

Потемкинъ (къ Дѣвице).

Верстосковъ, милѣа, попиши вы
шербеть!

Дѣвица.

Шербеть! А, такъ я налью туда
въ пурпуръ! Нотки!

Г. Павленковъ на сценѣ и г. Людви-
говъ за сценой всѣ спарабаютъ пе-
рекрачатъ другъ друга.

Г. Павленковъ.

Ахъ-ахъ, какова пашкунства: таково
породившее артиста убо, такую
шандальную роль всевозмѣтъ... а-хъ...
Есть вѣмъ, Марта Николаевна,
шведенъ изъ непрѣтельского лагеря,
вотъ деньги, а вотъ вѣмъ маленько
батюшка изъ касторового машала.

Г-ма Зѣздѣмъ.

Зачѣмъ?

Г. Наумовский.

А чмо на каково пашкунство мо-
жетъ зглодать... можетъ Истомкину
згадѣть... (изъ Зѣздѣмъ беретъ
бумажку, деньги и пушкунъ).

Г-ма Зѣздѣмъ.

А что, если это не масло? (изъмываетъ
въ стаканчикѣ) Пѣтъ, Нотка!

Г. Наумовский.

И зачѣмъ миши пить, когда миши
всё не надобно.

